

*«Юность» продолжает развивать рубрику
«100 книг, которые потрясли мир».*

*Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем
вместе составить список 100 книг, которые потрясли
мир и которые необходимо прочитать каждому.
Ждем ваших писем! Всем спасибо за отклики!*

Когда я была маленькой, мир мой умещался в мою деревню. Заборье. Он казался таким грустным. Таким безнадежным. С размытыми влажными дорогами. Низким мутным небом. С прилипшими потускневшими листьями на покосившихся крышах домов. Этот мир казался невыносимым. И очень одиноким.словно одинокая планета, про которую все забыли. Я часами сидела у окошка, которое было в слезах. От дождя. Я плакала. Вместе с дождем. Мне так хотелось вырваться из этой плачущей тишины.

Мое настроение поняла мама. Она мне просто сказала: ты хочешь уехать? В другую страну? Я молча кивнула. Я знала, что это невозможно. Мы жили с мамой вдвоем. И многое для нас было вообще невозможно.

Возможен лишь был плачущий дождь. Пыльное плачущее солнце. Или плаксивый снег. Но мама ответила на мое молчание: очень даже возможно. В эту страну не нужны билеты. И деньги на билеты тоже не нужны. И самолеты не нужны. И поезда. Которые могут разбиться. Или сорваться с рельс. И границы этой страны пересекать не надо.

Есть такая страна? Есть. Это страна Паустовского. Ее так всегда мало. И всегда так много. Если тебе грустно... В ней станет иногда еще грустнее. Но эта грусть будет другой. Это будет грусть настолько светлая, настолько прекрасная, настолько щемящая, что любое веселье по сравнению с ней тебе покажется просто пустотой. В этой стране пустоты не бывает. И не бывает одиночества. Даже если ты совсем одинока. Ты

Константин Паустовский в годы учебы в гимназии

будешь расти вместе с ней. Взрослеть вместе с ней. Стареть и мудреть вместе с ней. И если ты никогда ее не покинешь, никогда не предаешь ее, наверное, ты станешь счастливой. Даже если ты совсем несчастна. Эта страна откроет тебе секрет счастья.

Мама не солгала. Мамы не лгут никогда. Эта страна умещалась в маминой ладони. И она мне ее протянула. Беги в нее, беги. Не пожалеешь. И я убежала в страну Паустовского. Я не пожалела. «Желтый свет» этой страны светил ярче солнца. И немного печальнее. Так улыбались осенние листья. И так я начинала понимать, что счастье может случиться от одной лишь случайной улыбки. Или гудка парохода. Там навстречу пенились и бежали по камням «Ручьи, где плещется форель». И при блеске форелей. И всплеске ручьев. И шуме лесов. Непременно хотелось приложить носовой платок к глазам. И вспомнить о нечаянной любви. И отчаянной музыке. А на «Дождливом рассвете» разглядеть упавшую в лужу звезду. А в звездном небе увидеть целое «Черное море», где пахнет кефалью и мокрым песком. Где бушуют штор-

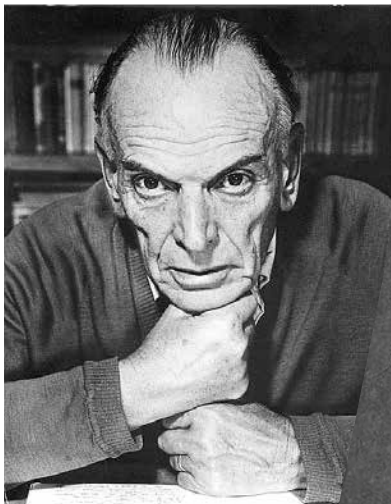
мы. И легкий бриз едва прикасается к обветренному лицу. А в «Мещерской стороне» увидеть мягкий свет лиричных левитановских пейзажей. Услышать грациозные грандиозные мелодии Чайковского... И вслед за Паустовским воскликнуть: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара». А потом остаться «Наедине с осенью». Отпустить лодку в свободное плавание. Вздохнуть. Сощуриться от солнечных зайчиков. И открыть секрет мироздания. Жажда совершенства — это, наверное, и есть искусство.

Но искусство так и не создало совершенный шедевр. Потому как самый, самый великий шедевр — это природа, которую придумала жизнь. Даже такая жизнь, какая есть.

И еще мне казалось, что мечта — это тоже непревзойденный шедевр. Я становилась соавтором Паустовского по мечте. Я поверила, что однажды, прогуливаясь в лесу с «Корзиной с еловыми шишками», я непременно повстречаю великого Грига. И в день моего восемнадцатилетия он посвятит свой лучший концерт мне, деревенской девчонке. А в «Ночном дилижансе» я прокачусь со сказочником Андерсеном, который мне предскажет сказочное будущее. А однажды к моему умирающему соседу явится сам Моцарт. И ночь станет светлой. И распустятся белые цветы на засохших яблонях. И птицы зимой возвратятся на родину. И небо станет выше, выше. Светлее, светлее. Моцарт очарует своей музыкой. И вдруг тогда «Старый повар» не умрет?

В своей стране Паустовский познакомил меня с Лермонтовым, Кипренским, Левитаном, Шевченко, Гайдаром, Гиляровским, Булгаковым, Куприным... Как много их, прекрасных, великих, достойных, с кем меня познакомил Паустовский. Я подружилась со всеми. Запомни, сказал мне тогда Паустовский, эти люди создавали шедевры. И эти шедевры принадлежат всему миру. Но их личный мир только для них. Поэтому всегда оставляй его за скобками. Этот урок Паустовского я запомнила на отлично...

И все же страна Паустовского действительно была реальной. В ней было столько звуков, что не услышишь в реальности. В ней было столько красок, что ни один художник не смог бы их соединить. В ней было столько чувств, что ни один поэт не смог бы их сочинить. Прозрачное дыхание призрачных звуков, красок, слов.

А еще в этой стране была и гармония, и алгебра. Романтика и география... А еще в этой стране было столько печали. Которой позавидуешь. Потому что это была другая, совсем другая печаль. Эта печаль лечила.

Когда я подросла, мама мне подарила «Золотую розу». Она сказала — эта роза из пыли. Золото — твердый металл. Но нежный. И роза будет иногда звенеть, как легко и трепетно звенят слова Паустовского. И не только. Эту розу однажды собрал мусорщик. Потому что каждый миг жизни, дурен он или хорош, умен или глуп, трагичен или удачен, — это крупинка золотой пыли... Я не помню, поверила ли ей тогда. Хотя мамы никогда не обманывают. Может, и поверила... Я сжала розу в кулачок и не хотела с ней расставаться. Она стала моим талисманом. Моей иконой. Моей верой в счастье.

Именно тогда я написала самому Паустовскому: «Голубоглазый мой ангел земной, мне подсказал это ты. Чистое небо над мутной

водой. И золотые цветы...» Это была благодарность золотой розе.

Ведь он подарил мне страну, где крыша над головой — это розовое небо. Где твоя постель — это розы. Где крепость твоя — это роза ветров. Где чувства твои — это розовое море...

А потом я уехала. Мама незаметно мне в сумку сушила томик Паустовского. Не будь черствой. Не стань холодной. Не будь равнодушной. Никогда. И поправила золотую розу на воротничке. Помни о том, что есть страна, где всегда тебя примут. И там, только там ты поймешь счастье... Я уехала.

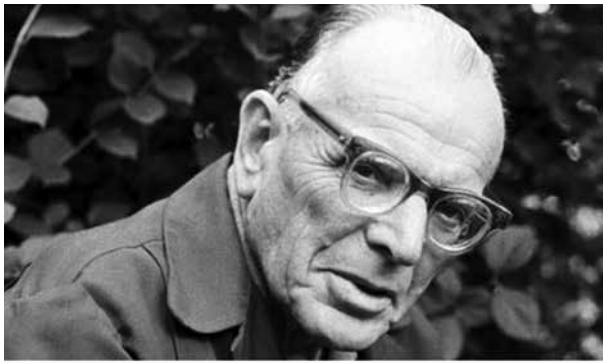
В поезде все казалось уже по-другому. Заборье убегало от меня все дальше. С его монотонными буднями. С его невеселыми праздниками. Старый проводник спросил про чай. Я промолчала. Про кофе. Тот же ответ. Вдруг он протянул мне одну-единственную полевую ромашку. Словно крупинку моей родины. С которой я уже прощалась. Либо он принял меня за красавицу. Либо — почему-то — от жалости. Или неизбежной печали. В духе Паустовского. Но я этого понять не захотела. Сентиментализм? Романтизм? Не знаю. Ведь жизнь не сентиментальна и не романтична. Только если ты этого хочешь. Не знаю, хотела ли я уже. Ведь мне предстояло бороться за жизнь... Какое же это непаустовское слово — бороться!

Книжку я забыла в вагоне...

Паустовский поначалу мне помог. Это он породил во мне страсть к путешествиям. Желание вырваться из провинциальной прозы. Навстречу бесконечным пространствам. Он еще не знал, как быстро я его предам... Впрочем, я еще и не думала о предательстве. Просто говорить вслух о Паустовском стало... не то чтобы немодным. Просто неприличным. Романтизм, сентиментализм? Чувственность и чувствительность? Боль и страдание? Это — для дураков. Для отсталых. Для «колхозников»... Я не хотела такой быть. И не могла. А когда меня спрашивали, кто ваш любимый

Марлен Дитрих

Константин Паустовский

писатель, я заученно отвечала, как и положено «образованным»: Солженицын, Бродский, Набоков, Пастернак... Своей культуры мы уже в первую перестройку — в 60-е — стеснялись. Нам нужен был уровень Запада. И только его мы держали за эталон.

Вдруг. И такое бывает, особенно когда ты из деревни Заборье. Я заметила золотую розу. Она была пришита на моем постаревшем платье, которое я собралась выбросить. Как назло, ее увидел и мой парень, которым я дорожила. Он громко засмеялся над подделкой. Я тоже засмеялась. Громко и невпопад. Глупость! Ведь она совсем не золотая! Не задумываясь, я выбросила платье. Вместе с розой... На этом моя история с Паустовским закончилась. Впрочем, история с парнем тоже вскоре закончилась.

Я ездила по многим странам как переводчица. Широкие бескрайние пространства мне давались легко. Была красивой и умной. Была раскованной и непредсказуемой. Хотела сделать жизнь лучше. И она была лучше. У меня это получалось... Хотя розы из дешевых пылинок (от мамы и мусорщика) у меня уже не было. Я встречалась со многими людьми, но не видела лиц. Звездная ночь для меня была всего лишь темнотой. Розовая заря всего лишь утром. И в луже звезд быть не может. И солнечных зайчиков не бывает. Да и форель вряд ли может плескаться в ручье. Ни дождя за окном. Ни скрипучей калитки. Ни пения запоздавших синиц. Слова, краски, звуки. Были просто фразами, освещением, слухом. А чувства стали всего лишь сухим списком мест, где я побывала. Алгебра победила гармонию. География победила мечту... Господи, как все это далеко. И как хорошо, что это ушло!

Маме я писала все реже и реже. Почти не писала. И не отвечала. Это было Заборье, которое на меня нагоняло просто тоску. А Паустовского рядом не было. Я его предала.

Однажды мне пришла телеграмма из Заборья. Я машинально пробежала по ней взглядом. Мама больна. Сколько помню, она всю жизнь была больна! Своей деревней. Своими журавлями, исчезающими под тяжелыми облаками неба. Своим истощным кри-

ком птиц, которые почему-то всегда остаются в Заборье, даже если им так холодно. Мама была больна своими мыслями. В которых, наверное, жил Паустовский. А мне до Паустовского не было дела. Он был лишь в прошлом.

Впереди меня ждал вечер с великолепной Марлен Дитрих. Вот это уровень! И другая, совсем другая жизнь. Яркая, блестящая, неожиданная и праздничная! Я сидела в зале, затаив дыхание, когда она пела. Почему вдруг резко остановился ее хриловатый голос? И ее слова, как бриллианты, на ее шее. И ее слова, как сотни камней на ее узком белом платье. Ее желание — увидеть Паустовского. И он вышел — худой, больной старик. И она, эта бриллиантовая кинодива, молча упала перед ним на колени и поцеловала руку. Эта железная западная леди, живущая за железным занавесом, плакала. И бриллианты скатились с ее платья. И рассыпались по всей сцене, по всему залу. Как тысячи, миллионы слов, драгоценных слов, так и не сказанных нами Паустовскому. Весь мир был брошен к ногам Паустовского. Весь глупый, однозначный, холодный мир. В котором не было места для сентиментальности и романтики. Вот если бы хотя бы один бриллиантик подкатился к моим ногам, как одно слово. Он не подкатился. Весь мир стоял на коленях перед русским писателем. Паустовским. Марлен Дитрих благодарила великого русского писателя за рассказ «Телеграмма».

Марлен Дитрих и Константин Паустовский

Позже она вспоминала: «Я была так потрясена его присутствием, что, будучи не в состоянии вымолвить по-русски ни слова, не нашла иного способа высказать ему свое восхищение, кроме как опуститься перед ним на колени». В нее были влюблены Ремарк, Хемингуэй, Габен. А она: «Я встретила Паустовского слишком поздно...»

А я тогда выбежала из зала. «Телеграмма» был единственный рассказ, который я не прочитала. Мне почему-то мама его не посоветовала прочитать. Почему? Это навсегда для меня останется тайной.

Телеграмма. Нет, это уже не рассказ. В моей сумочке лежала настоящая телеграмма. Такие простые слова. Моя мама умирает. И все. Я уехала. Чтобы поблагодарить свою маму. Я не успела... Заборье. Глухой скрип калиток. Хриплый стон синиц. Грустная круговерть вьюги. Я стояла под заснеженной елью. Мне стыдно было показаться на глаза людям. Мою маму уже похоронили. А у меня не было даже цветка. Я сорвала с ели веточку. Я положила ее к могиле. Прости, мам. Прости. Я так и не сумела принять твою мечту. Но я ее понимаю. Прости. Если сможешь. Самое страшное не то, что ты умерла. Самое страшное, что мы больше не встретимся, мам. Но я пока живу... Впрочем, уже неважно. И много слов от меня просто неприлично. Я бежала по жизни, мама. Бежала. Мои туфли истоптались. Моя душа износилась. Но я бежала к тебе, мама. Хотя думала, что убегаю от

тебя. Я еще знаю, что все зря... Но я еще раз получу телеграмму... Я должна ее получить. Чтобы успеть...

Я ушла в дом, где мы когда-то плакали вместе с дождем. Печь еще не остыла. Антоновские яблоки пахли так зимне, что я уже знала — зима впереди. Как и мой отъезд. Возле кровати мамы лежала раскрытая книжка. От нее пахло зимними яблоками. И безвременьем. Как в рассказе Паустовского «Телеграмма». Я села возле печи и стала читать ее. От огня мне было все жарче. И крик вороны за заснеженным окном становился все грубее. Прости, мама. Если сможешь. Я опоздала. И все равно, встретимся, мама, договорим. Я не успела, мама. Прости. Ведь я еще так много не рассказала. Я стала сентиментальной и романтической. Только сейчас я это поняла. И только ты, ты сможешь снять с меня эту непростительную вину. Договорим. Ведь свою «Повесть о жизни» я уже написала. Впрочем, рано или поздно ее напишет всякий живущий...

Позднее я открыла секрет счастья. Как и говорила моя мама. Мамы не обманывают... Мне не удалось личная жизнь. Не получилось с работой. Я живу в Заборье. И вижу звезды. Даже в лужах. И солнечных зайчиков. Даже без солнца. Я живу рядом с Паустовским. И если у кого-то не получилось... Можно прожить и так. Особенно если есть 100 писателей, которые потрясли мир. Можно выбрать...